

Ассамблея государств-участниковDistr.: General
10 July 2009RUSSIAN
Original: English**Восьмая сессия**

Гаага

18-26 ноября 2009 года

Неофициальное межсессионное совещание по преступлению агрессии, организованное Лихтенштейнским институтом по проблемам самоопределения, Школа Вудроу Вильсона, в Принстонском клубе, Нью-Йорк, 8-10 июня 2009 года**I. Введение**

1. В соответствии с рекомендацией Ассамблеи государств-участников и по приглашению правительства Лихтенштейна Лихтенштейнский институт по проблемам самоопределения, Школа Вудроу Вильсона, организовал в Принстонском клубе в Нью-Йорке, Соединенные Штаты Америки, неофициальное межсессионное совещание по преступлению агрессии, которое состоялось 8-10 июня 2009 года. Приглашения принять участие в работе совещания были направлены всем государствам, а также представителям гражданского общества. Функции Председателя совещания выполнял Его Королевское Величество принц Зеид Раад Зеид Аль-Хуссейн (Иордания).

2. Участники неофициального межсессионного совещания выразили признательность правительствам Германии, Дании, Лихтенштейна, Мексики, Нидерландов, Финляндии, Швейцарии и Швеции за финансовую поддержку совещания и Лихтенштейнскому институту по проблемам самоопределения при Принстонском университете за организацию этого мероприятия и финансовую поддержку.

3. Участники с удовлетворением отметили, что совещание проводилось в Принстонском клубе в Нью-Йорке, что позволило присутствовать на нем тем делегациям, которые раньше не имели возможности приехать в Принстон для участия в предыдущих межсессионных совещаниях Специальной рабочей группы по преступлению агрессии (именуемой далее "Группа").

4. В настоящем документе вовсе не обязательно отражены мнения правительств, которых представляли участники совещания. Его главная цель заключается в отражении мнений, которые были высказаны по различным вопросам, касающимся преступления агрессии, на основе предложений относительно положения об агрессии, разработанных Группой и принятых 13 февраля 2009 года¹. Можно надеяться, что материал, представленный в настоящем докладе, будет способствовать дальнейшей

¹ См. доклад СРГПА от февраля 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая части возобновленной сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II, добавление I.

работе Ассамблеи государств-участников над преступлением агрессии, в частности в ходе предстоящей восьмой сессии, которая состоится в Гааге 18-26 ноября 2009 года.

5. Обсуждения проходили на основе двух документов, представленных Председателем: неофициальный документ об элементах преступлений² и неофициальный документ об условиях осуществления юрисдикции³. Председатель внес на рассмотрение оба неофициальных документа и напомнил о том, что Группой был достигнут значительный прогресс, кульминацией которого явилось принятие окончательного доклада Группы в феврале 2009 года. Он подчеркнул, что в рамках будущей работы над преступлением агрессии основное внимание следует сосредоточить на тех вопросах, которые Группа не успела урегулировать, а также на элементах преступлений. Кроме того, Председатель отметил, что чрезвычайно важное значение имеет участие как государств, являющихся сторонами Римского статута, так и государств, не являющихся его сторонами, несмотря на то, что Группа как таковая уже не существует. Решение о будущем формате работы над преступлением агрессии должно быть принято Ассамблеей государств-участников на ее очередной сессии.

II. Неофициальный документ об элементах преступления агрессии

6. Председатель напомнил о предыдущем обсуждении вопросов, касающихся редакции элементов преступления агрессии и выразил свою признательность делегациям Австралии и Самоа, которые подготовили первый проект элементов, а также делегации Швейцарии, которая организовала короткое выездное неофициальное совещание по этой теме⁴. Эта работа легла в основу неофициального документа Председателя об элементах преступлений, который был представлен с целью содействия обсуждениям.

7. Председатель напомнил об истории составления нынешнего текста элементов преступлений⁵, которое оказалось весьма полезным в том плане, что оно позволило углубить понимание определения преступлений. Он напомнил о том, что цель элементов преступлений заключается в оказании Суду содействия в толковании и применении определений преступлений⁶, а также в разъяснении конкретного субъективного элемента, требование в отношении которого содержится в статье 30 Римского статута.

8. Представляя неофициальный документ, Председатель пояснил, что элементы преступления агрессии будут включены в существующий текст элементов преступлений. Таким образом, существующее общее введение к элементам преступлений будет распространяться также на преступление агрессии. В неофициальном документе высказывается мысль, что в общее введение необходимо будет внести техническую поправку, а именно заменить слова "статей 6, 7 и 8" словами "статей 6, 7, 8 и 8-бис". В остальном общее введение может применяться к преступлению агрессии без дополнительных изменений. Никаких возражений против предложенной технической поправки высказано не было, равно как не поступило предложений относительно внесения каких-либо других изменений в общее введение к элементам преступлений.

² См. приложение II.

³ См. приложение III.

⁴ Оно было проведено в Монтрё, Швейцария, 16-18 апреля 2009 года.

⁵ *Официальные отчеты Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, первая сессия, Нью-Йорк, 3-10 сентября 2002 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под номером P.03.V.2 и исправление), часть II.B.

⁶ Статья 9 Римского статута.

9. В добавлении I к неофициальному документу приводится проект элементов преступлений, который содержит специальное введение к элементам преступления агрессии. Председатель пояснил, что такое специальное введение может послужить дополнительным руководством в отношении ряда вопросов, касающихся предложенных элементов. В целях содействия целенаправленному обсуждению Председатель предложил поочередно рассмотреть каждый пункт специального введения в контексте тех элементов, к которым эти пункты относятся.

Общие замечания по проекту элементов

10. В целом было сочтено, что проект элементов закладывает хорошую основу для будущей работы, и их структура получила общую поддержку. Было отмечено, что элементы представляют собой перечень всех объективных и субъективных элементов, которые Прокурору придется доказывать в каждом конкретном случае. Проект следует логике статье 30 Римского статута и содержит перечисление объективных и субъективных элементов. Объективные элементы можно классифицировать как элементы поведения, последствий или обстоятельств, за ними следуют соответствующие субъективные элементы (намерение и знание). Содержащееся в статье 30 правило на случай неисполнения автоматически применяется к любому объективному элементу, который конкретно не увязан с определенным субъективным элементом. Указывалось, что классифицировать объективный элемент (в частности, предлагаемый элемент 3, а также предлагаемый элемент 5) иногда трудно. Тем не менее такое теоретическое различие не имеет практического значения, когда достигнуто согласие относительно требуемого субъективного элемента.

11. Было отмечено, что структура проекта элементов в основном совпадает с общей структурой элементов преступлений (поведение, последствия и обстоятельства - обычно перечисляются в этом порядке)⁷ за исключением элемента 2, который явно является элементом обстоятельств, но таким, который весьма тесно связан с нарушителем и его или ее поведением. Ряд делегаций спросили, нельзя ли изменить порядок элементов 3-6. В ответ было указано, что элемент 3 содержит объективный элемент акта агрессии, к которому в элементе 4 добавляется соответствующий субъективный элемент. Аналогичным образом элемент 5 содержит объективный элемент порога явного нарушения Устава Организации Объединенных Наций, к которому в элементе 6 добавляется субъективный элемент. Важно, чтобы каждый субъективный элемент шел сразу за тем объективным элементом, к которому он относится; в противном случае содержащееся в статье 30 Римского статута правило на случай неисполнения будет автоматически применяться к этому объективному элементу.

12. В связи со специальным введением к элементам преступления агрессии было отмечено, что аналогичные введения предшествуют и другим элементам преступлений. Было высказано предложение рассмотреть вопрос о том, не лучше ли будет содержащийся во введении текст включить в новый раздел, следующий за текстом элементов, поскольку такие введения на самом деле не носят вводного характера.

⁷ См. пункт 7 общего введения к элементам преступлений в *Официальных отчетах Ассамблеи государств - участников Римского статута Международного уголовного суда, первая сессия, Нью-Йорк, 3-10 сентября 2002 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под номером P.03.V.2 и исправление), часть II.B.

Предлагаемый элемент 1: элемент поведения

13. Предлагаемый элемент 1 является элементом поведения в случае преступления агрессии, поскольку в нем описывается поведение нарушителя. В неофициальном документе отмечается, что, поскольку характер элемента 1 как элемента поведения достаточно ясен, проект не содержит какого-либо конкретного субъективного элемента. Таким образом будет применяться содержащийся в пункте 2 а) статьи 30 Римского статута субъективный элемент: лицо имеет намерение в тех случаях, когда это лицо "собирается совершить такое деяние". Поскольку обсуждение предлагаемого элемента 1 носило ограниченный характер, никаких возражений в отношении его редакции высказано не было.

Предлагаемый элемент 2: положение о руководстве

14. Как отмечено в неофициальном документе, предлагаемый элемент 2 отражает связанный с руководством характер преступления и является элементом обстоятельств. В соответствии с пунктом 3 статьи 30 Римского статута нарушитель должен был таким образом сознавать, что он был в состоянии эффективно осуществлять контроль или руководство политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии. В неофициальном документе высказывается мнение, что применение статьи 30 является достаточно ясным и что таким образом нет необходимости формулировать конкретный субъективный элемент в связи с элементом 2.

15. Кроме того, предлагаемый элемент 2 содержит сноску, в которой разъясняется, что в зависимости от конкретной ситуации в случае акта агрессии руководящее положение может занимать более чем одно лицо. Были изучены некоторые возможности изменения формулировки предлагаемого элемента 2. Предлагалось опустить слово "лицо" и поставить сноску у слова "нарушитель". Однако это предложение обсуждалось лишь накоротке, и таким образом никаких изменений в проект внесено не было.

Предлагаемые элементы 3 и 4: государственный акт агрессии

16. В предлагаемом элементе 3 описывается объективный элемент государственного акта агрессии. Он основывается на формулировке проекта пункта 2 статьи 8-бис, предложенной Группой: в нем делается ссылка на "применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций". Было отмечено, что элемент 3 содержит главную часть определения государственного акта агрессии и не направлен, да и не мог быть направлен в силу статьи 9 Римского статута на изменение определения государственного акта, содержащегося в предложениях Группы. Это подтверждено в первом пункте специального введения, где разъясняется, что, согласно имеющемуся пониманию, "любые акты, упомянутые в пункте 2 статьи 8-бис, квалифицируются как акт агрессии". Таким образом, в тексте элементов нет необходимости полностью воспроизводить большой по размеру пункт 2 статьи 8.

17. Затем в предлагаемом элементе 4 описывается субъективный элемент, необходимый для элемента 3, и предлагается элемент "фактических обстоятельств". Председатель пояснил, что такой вид элемента часто используется в контексте определенных преступлений против человечности и военных преступлений, с которыми связаны определенные правовые концепции. Таким образом, предлагаемый элемент 4 будет содержать требование о том, что нарушитель должен сознавать фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций.

Ссылка на фактические обстоятельства позволит избежать нежелательных последствий более строгой нормы, которая может стимулировать потенциального нарушителя к тому, чтобы сознательно закрыть глаза на легитимность своих действий. В пункте 2 специального введения содержится дальнейшее разъяснение этой концепции и, в частности, говорится, что требование доказать, что нарушитель провел правовую оценку несовместимости применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций, отсутствует". Было отмечено, что такой подход был применен также к ряду других преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда (см., например, элемент 3, касающийся военного преступления, квалифицируемого как разграбление).

18. Ряд делегаций задали вопросы относительно использования в элементе 4 термина "сознавал" и относительно того, чем он отличается от слова "знал". В ответ было указано, что в статье 30 Римского статута слова "знание" и "сознание" приравниваются друг к другу и что для обозначения первого в существующих элементах преступлений используется последний термин. Был задан вопрос о том, могут ли фактические обстоятельства включать события и изменения в Организации Объединенных Наций. Было выражено мнение, что отсутствие или наличие резолюции Совета Безопасности о применении вооруженной силы действительно является важным "фактическим" обстоятельством, но что элемент 4 не требует от Прокурора доказывания того, что нарушитель провел конкретную правовую оценку содержания такой резолюции.

19. Со ссылкой на обсуждение пункта 2 специального введения было отмечено, что содержащийся в элементе 4 субъективный элемент не включает норму, касающуюся халатности. Это было сочтено правильным в свете статьи 30 Римского статута и определения акта агрессии. В системе общего права элемент 4 должен был бы содержать требование относительно фактического, а не конструктивного или подразумеваемого знания.

20. Ряд делегаций высказали мнение, что связь между элементами 3 и 4 можно было бы усилить за счет внесения некоторых редакционных поправок, в частности путем использования слова "такие" в элементе 4, подобно тому как это слово используется в элементе 6. В ходе этого обсуждения было предложено далее сослаться в элементе 4 на фактические обстоятельства, указывающие на "акт агрессии", а не на "несоответствие применения вооруженной силы государством Уставу Организации Объединенных Наций". Кроме того, было предложено использовать прошедшее время ("established"), а не герундий ("establishing") или настоящее время ("establishes"). Хотя ряд участников утверждали, что слово "establishing" будет более подходящим, поскольку оно будет больше соответствовать последовательности событий (например, планирование предшествует фактическому акту агрессии), другие отдали предпочтение прошедшему времени, которое в основном используется в существующих элементах преступлений.

21. После этих обсуждений Председатель предложил изменить предлагаемый элемент 4, с тем чтобы он гласил: "Нарушитель сознавал фактические обстоятельства, которые указывали на такой акт агрессии". Однако было отмечено, что предложенная формулировка может вызвать трудности в плане увязки элементов 1 и 4. Была, в частности, выражена озабоченность по поводу того, что судьи могут неправильно истолковать новую формулировку как означающую, что субъективный элемент намерения (правило на случай неисполнения, применимое к элементу 1) применяется ко всем объективным элементам преступления агрессии, включая несовместимость применения силы с Уставом Организации Объединенных Наций. Таким образом Председатель вернулся к предыдущей формулировке, лишь незначительно изменив ее: "Нарушитель сознавал фактические обстоятельства, которые указывали на то, что такое применение вооруженной силы являлось несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций".

22. Было также внесено предложение изменить пункт 2 специального введения, с тем чтобы он гласил "... требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку *наличия акта агрессии*, отсутствует". Однако несколько участников подчеркнули, что предыдущая формулировка пункта 2 специального введения была весьма конкретной и поясняла, о какой правовой оценке идет речь, а именно о правовой оценке несовместимости применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций. В конечном счете была сохранена предыдущая формулировка с некоторыми редакторскими изменениями: "Требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку с целью выяснить, не является ли применение вооруженной силы несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, отсутствует".

Предлагаемые элементы 5 и 6: пороговый уровень явного нарушения Устава Организации Объединенных Наций

23. В тексте предлагаемого элемента 5 описывается требование в отношении порогового уровня, содержащееся в пункте 1 проекта статьи 8-бис, которое предусматривает, что акт агрессии в силу своего характера, серьезности и масштабов должен являться явным нарушением Устава Организации Объединенных Наций. В предлагаемом элементе 6 на основе тех же самых соображений, которые были учтены в случае элементов 3 и 4 выше, предусматривается требование о том, что нарушитель должен был быть сознавать "фактические обстоятельства, указывающие на такое явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций". В пункте 4 специального введения эта концепция разъясняется далее: в нем, в частности, говорится, что "требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку "явного" характера нарушения Устава Организации Объединенных Наций, отсутствует".

24. В ходе обсуждения элементов 5 и 6 ряд делегаций вновь высказали мнение о том, что положения об агрессии не должны содержать требования относительно порогового уровня, при этом другие делегации напомнили, что они выступают за включение положения о пороговом уровне⁸. Однако имелось понимание того, что любые изменения в отношении требования, касающегося порогового уровня, необходимо будет отразить в проекте поправки к преступлению агрессии и что элементы 5 и 6 надлежащим образом отражают положение о пороговом уровне, которое в настоящее время содержится в проекте пункта 1 статьи 8-бис. Ряд делегаций отметили, что элемент 4 и элемент 6, очевидно, дублируют друг друга. В ответ было отмечено, что эти элементы касаются двух разных вещей: элемент 4 касается правовой квалификации применения вооруженной силы в качестве акта агрессии, а элемент 6 касается правовой квалификации акта агрессии с учетом его характера, серьезности и масштабов в качестве явного нарушения Устава Организации Объединенных Наций. Последняя квалификация важна для определения того, подпадает ли данный акт под юрисдикцию Суда, и будет исключать ситуации, которые могут относиться к "серой правовой зоне", но она не препятствует использованию других правовых средств, которыми потерпевшее государство, возможно, пожелает воспользоваться, например таких, как решение Международного уголовного суда о наличии акта агрессии.

⁸ См. описание обсуждений и доводы, содержащиеся в докладе СРГПА от февраля 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств - участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая часть возобновленной сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II, пункт 13; и в докладе СРГПА от июня 2008 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств - участников Римского статута Международного уголовного суда, возобновленная шестая сессия, Нью-Йорк, 2-6 июня 2008 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/6/20/Add.1), приложение II, пункты 23-29.

25. В связи с элементами 5 и 6 в пункте 3 специального введения указывается, что термин "явным" является объективным определением. Было отмечено, что аналогичное разъяснение содержится в специальном введении к элементам преступлений геноцида. Ряд делегаций задали вопросы относительно значения термина "объективным" в этом контексте. В ответ было указано, что определение Суда по вопросу о том, представляет ли акт агрессии с учетом его характера, тяжести и масштабов "явное" нарушение, будет носить решающий характер по сравнению с правовой оценкой нарушителя. Было предложено, чтобы Суд применял стандарт "разумного лидера" аналогично стандарту "разумного солдата", закрепленному в концепции явно противоправных приказов в статье 33 Римского статута.

26. Было предложено исключить из текста пункта 4 специального введения слово "правовую". В частности, утверждалось, что оценка явного характера нарушения Устава могла бы являться "субъективной оценкой" по смыслу пункта 4 общего введения к существующим элементам преступлений. Таким образом, возможно, лучше было бы просто сослаться на оценку, а не на правовую оценку, с тем чтобы не поднимать слишком высоко планку для Прокурора и судей. Однако другие участники не согласились с этим предложением, поскольку считали, что нынешняя формулировка пункта 4 специального введения является правильной. Было также отмечено, что аналогичная фраза используется в специальном введении к элементам военных преступлений.

27. Было предложено заменить в пункте 4, а также в пункте 2 специального введения слова "из формулировки явствует" словами "в отношении", поскольку обычно именно так указываются элементы в специальных введениях. Сначала участники согласились с этим предложением, хотя кое-кто предупредил, что это может вызвать проблемы. Было разъяснено, что цель использования такой формулировки заключалась в надлежащем обеспечении того, чтобы элемент "фактических обстоятельств", содержащийся в элементе 4, был действительно важным субъективным элементом применительно к акту агрессии во всех элементах, несмотря на то, что термин "акт агрессии" используется также в элементе 1. Для большей ясности в конечном счете было решено исключить из пунктов 2 и 4 специального введения как слова "из формулировки явствует", так и слова "в отношении". Что касается пункта 3, то было также решено опустить слова "что касается элементов 5 и 6", поскольку термин "явным" используется только в этих двух элементах.

Изменения, внесенные в проект элементов преступлений

28. Председатель распространил пересмотренный проект элементов преступлений (приложение I), в котором отражены различные изменения, описанные в пунктах выше.

III. Неофициальный документ об условиях осуществления юрисдикции

29. Председатель внес на рассмотрение неофициальный документ об условиях осуществления юрисдикции, цель которого заключалась в содействии обсуждению основных неурегулированных вопросов. Они были отражены в первую очередь в предложениях Группы по проекту пункта 4 статьи 15-бис, а также увязаны с вопросом о процедуре вступления в силу (пункт 4 или 5 статьи 121). Председатель предложил использовать межсессионное совещание для активизации диалога по вопросу о том, как можно было бы урегулировать нерешенные вопросы, в том числе на основе новых идей и предложений.

30. Председатель отметил, что в неофициальном документе рассматриваются следующие три соображения, имеющие важное значение для обсуждения и основанные на предыдущей работе Группы, которые следует иметь в виду:

- a) к преступлению агрессии применяются все три существующих "пусковых" механизма;
- b) в случае передачи ситуации Советом Безопасности Суд может осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии независимо от согласия соответствующего государства; и
- c) в случае передачи ситуации государствами или расследования *proprio motu* применяется требование пункта 2 статьи 12 Статута в отношении территориальности или гражданства. Поскольку преступление агрессии обычно совершается как на территории государства-агрессора, так и на территории потерпевшего государства⁹, было бы целесообразно при обсуждении ссылаться либо на предполагаемое государство-агрессор, либо на предполагаемое потерпевшее государство, но не на государство территориальности.

31. В добавлении к неофициальному документу содержится ряд конкретных вопросов, предложенных Председателем. Эти вопросы приводятся курсивом ниже в контексте соответствующего обсуждения.

1. Согласие предполагаемого государства-агрессора в качестве условия осуществления юрисдикции¹⁰

Принятие поправки, касающейся преступления агрессии, предполагаемым государством-агрессором

32. Председатель отметил, что согласие предполагаемого государства-агрессора имеет значение только в случае передачи ситуации государствами и расследований *proprio motu*. Принятие поправки об агрессии является единственным способом, с помощью которого государство может выразить свое согласие с осуществлением Судом юрисдикции в отношении любого будущего расследования акта агрессии, предположительно совершенного этим государством. Один из главных вопросов в этой связи заключается в следующем: *должен ли Суд иметь возможность осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии на основе процедуры передачи ситуации государством или на основании результатов расследования proprio motu в том случае, если предполагаемое государство-агрессор не согласилось с поправкой об агрессии или не является государством-участником Римского статута?*

33. Мнения участников по этому вопросу разделились. Ряд участников отрицательно ответили на данный вопрос, заявив, что необходимо, чтобы предполагаемое государство-агрессор приняло поправку по агрессии. Такой подход фактически отличался бы от подхода, применяемого в Римском статуте в отношении других преступлений, однако это различие обосновывалось характером преступления агрессии и необходимостью найти политически приемлемое решение. Кроме того, утверждалось, что только применение пункта 5 статьи 12 Статута дает государствам-участникам возможность решать, соглашаются ли они с юрисдикцией Суда. Согласно международному праву, никаких договорных обязательств для государств, не являющихся сторонами договора, возникать не должно. Было подчеркнуто, что

⁹ Хотя этот вопрос далее не обсуждался, было выражено мнение, что преступление агрессии обычно не совершается одновременно на территории государства-агрессора и потерпевшего государства. Скорее инкриминируемое поведение лица обычно имеет место на территории государства-агрессора.

¹⁰ Заголовки разделов в этой части доклада идентичны заголовкам разделов неофициального документа Председателя об условиях осуществления юрисдикции (см. приложение III). Было выражено мнение, что эти заголовки являются недостаточно четкими, в частности это касается понятия "согласие государства-агрессора", которое, как ранее считалось, не относится к обсуждению условий осуществления юрисдикции.

отношение к государствам-участникам, не принявшим поправку, и государствам, не являющимся участниками, должно быть одинаковым и что таким образом "негативное понимание"¹¹ второго предложения пункта 5 статьи 121 Статута должно превалировать. Несколько участников утверждали, что в дополнение к требованию относительно принятия поправки предполагаемым государством-агрессором необходимо сохранить формулировку, свидетельствующую о важной роли Совета Безопасности.

34. Ряд участников дали более широкий ответ на этот вопрос: они согласились с тем, что Суд должен иметь юрисдикцию в отношении только тех государств, которые связаны поправкой. Поправка должна вступить в силу для предполагаемого государства-агрессора, что в случае применения пункта 4 статьи 121 Римского статута может произойти без принятия поправки государством.

35. Ряд участников сообщили, что они могут гибко подойти к этому вопросу, если будет достигнут консенсус в отношении того или иного ответа. Было также отмечено, что этот вопрос связан с необходимостью весьма сложного политического выбора вариантов, являющихся наилучшими для Международного уголовного суда и для всеобщей ратификации его Статута. Таким образом необходим политический компромисс. В этом контексте была упомянута идея взаимности: как предполагаемое государство-агрессор, так и потерпевшее государство должны быть связаны поправкой об агрессии. С одной стороны, это позволит поднять планку еще выше, а с другой - это может повысить привлекательность данного решения, поскольку оно будет разрешать Суду полностью расследовать действия обеих сторон в конфликте. Кроме того, была высказана мысль, что как предполагаемое государство-агрессор, так и потерпевшее государство могли бы указать при принятии ими поправки приемлемые юрисдикционные фильтры¹² и что такие фильтры будут применяться только в случае взаимности между соответствующими государствами. Идея взаимности подробно не обсуждалась, однако было выражено мнение, что она является неуместной с точки зрения Римского статута, главной задачей которого является не регулирование взаимных обязательств государств, а осуществление индивидуального уголовного правосудия.

36. Ряд участников ответили на упомянутый выше вопрос положительно, заявив, что в противном случае потерпевшее государство, принявшее поправку об агрессии, не будет защищено от агрессии и что ряд государств окажутся в привилегированном положении с точки зрения защиты своих граждан от преследований Суда. Система, требующая согласия будущего государства-агрессора, не будет иметь никакого сдерживающего воздействия. Главная цель Суда заключается в том, чтобы покончить с безнаказанностью виновных в наиболее серьезных преступлениях, вызывающих озабоченность международного сообщества. Было отмечено, что в соответствии со статьей 12 Римского статута уже одна территория потерпевшего государства обеспечивает необходимую юрисдикционную увязку, и в этой связи следует найти способ осуществления Судом своей юрисдикции в отношении преступления агрессии, по крайней мере в отношении преступлений, совершенных на территории потерпевшего государства. Если будет требоваться согласие предполагаемого государства-агрессора, то Суд может никогда не получить возможности для осуществления своей юрисдикции, за исключением случаев передачи дел Советом Безопасности. Было отмечено, что Суд будет преследовать только частных лиц, а не государства и что любые такие лица в противном случае будут подпадать под

¹¹ См. пункт 9 неофициального документа Председателя об условиях осуществления юрисдикции (приложение III).

¹² Термин "юрисдикционные фильтры" указывает на возможную роль Совета Безопасности, Палаты предварительного производства, Генеральной Ассамблеи и/или Международного Суда; впервые он был использован в неофициальном документе Председателя об осуществлении юрисдикции (приложение III).

внутреннюю юрисдикцию потерпевшего государства, на территории которого было совершено преступление. Таким образом юрисдикция делегируется Суду потерпевшим государством. Кроме того, было высказано мнение о том, что такое требование приведет к созданию двух различных юрисдикционных систем в рамках Римского статута, чего следует избегать. Наличие двух различных юрисдикционных систем будет равносильно оговорке к Статуту, тогда как его статья 120 оговорки запрещает. В ответ было отмечено, что в пункте 2 статьи 5 Статута конкретно предусмотрена возможность различных условий осуществления юрисдикции в отношении преступления агрессии. Было также выражено мнение, что государства-участники Римского статута уже согласились с юрисдикцией Суда в отношении преступления агрессии, что нашло свое отражение в статье 5 Римского статута. В ответ было отмечено, что следует проводить различие между предметной юрисдикцией и юрисдикцией *ratione personae*.

37. Ряд участников предложили обсудить условия осуществления юрисдикции отдельно от процедуры вступления в силу. В этом контексте было предложено предусмотреть, что пункты 4 и 5 статьи 121 Римского статута вообще применяться не будут. Вместо этого в пункте 2 статьи 5 Римского статута будет лишь содержаться требование о "принятии положения в соответствии со статьями 121 и 123". Необходимости в ратификации такого положения не будет, поскольку оно будет принято Конференцией по обзору в соответствии с пунктом 3 статьи 121 Статута. Однако такая процедура все же будет допускать функционирование других механизмов, рассматривающих условия осуществления юрисдикции, например таких, как юрисдикционные заявления или возможность дачи согласия государствами, не являющимися участниками Статута, на специальной основе. В случае достижения согласия по политическим вопросам, таким, как вопрос о согласии предполагаемого государства-агрессора, этот процедурный подход может оказаться полезным. В ответ было отмечено, что такой подход, противоречащий обычной международной практике, может вызвать проблемы на национальном уровне, где для принятия юрисдикции Суда и инкорпорирования преступления агрессии во внутреннее законодательство потребуется конституционный процесс ратификации, и что при таком подходе не проводится различие между вступлением поправки в силу и ее вступлением в силу для конкретного государства. В этом контексте была также высказана мысль, что упомянутое положение, принятое Конференцией по обзору, могло бы содержать положение о его вступлении в силу по прошествии одного или двух лет, с тем чтобы государства имели возможность внести необходимые изменения в свое внутреннее законодательство.

Другие подходы к рассмотрению проблемы согласия предполагаемого государства-агрессора

38. Председатель отметил, что вопрос о согласии тесно связан с вопросом о процедуре вступления в силу (пункт 4 или 5 статьи 121). Ранее ряд делегаций выражали озабоченность по поводу варианта, предполагающего использование пункта 4 статьи 121, поскольку данное положение допускает вступление в силу поправки об агрессии в отношении государств-участников, не принявших поправку, и, возможно, даже против их воли, когда поправка ратифицируется семью восьмью государствами-участниками. В этом контексте Председатель поставил следующий вопрос: *может ли мысль об установлении требования относительно заявления о принятии режима в дополнение к требованию о том, чтобы предполагаемое государство-агрессор было связано поправкой об агрессии, позволить учесть озабоченности тех делегаций, которые заявили о наличии у них трудностей с использованием процедуры введения в действие юрисдикции, предусмотренной в пункте 4 статьи 121 Статута?*

39. Этот вопрос подробно не обсуждался. Ряд делегаций, выступавших за применение пункта 5 статьи 121, заявили, что они могут согласиться с применением пункта 4 статьи 121 в случае его применения в сочетании с заявлением о выходе из режима, поскольку это будет иметь такой же эффект, как и пункт 5 статьи 121. Однако было отмечено, что такой вариант будет существенно задерживать вступление в действие юрисдикции Суда на основе трех "пусковых" механизмов, включая, возможно, механизм Совета Безопасности, которые вступят в действие лишь по истечении одного года с момента принятия поправки об агрессии семью восьмью государствами-участниками. Такое заявление о присоединении к режиму будет также противоречит духу пункта 4 статьи 121. Ряд участников, выступавших за применение пункта 4 статьи 121 Римского статута, выразили мнение, что никакого требования о присоединении к режиму включать не следует.

40. Председатель высказал идею, что вместо заявления о присоединении к режиму государствам можно было бы предоставить возможность сделать заявление о выходе из режима в отношении преступления агрессии по аналогии со статьей 124 Статута. С тем чтобы полностью снять все озабоченности в отношении суверенитета, можно предусмотреть вариант возобновления подобного заявления, а также возможность подачи такого заявления также государствами, не являющимися участниками. *Можно ли продолжить изучение мысли об использовании заявления о выходе из режима в качестве средства согласования желания применять на широкой основе юрисдикцию Суда в отношении преступления агрессии с желанием принять во внимание беспокоящие проблемы суверенитета?*

41. Этот вопрос подробно не обсуждался. Ряд участников проявили интерес к идее подачи заявления о выходе из режима в сочетании с системой, которая в этом случае не будет требовать того, чтобы предполагаемое государство-агрессор приняло поправку об агрессии. Такой подход существенно сократит число государств, находящихся за пределами юрисдикции Суда, поскольку он будет исключать только те государства, которые сделали реальный шаг в этом направлении. Система, требующая, чтобы потенциальные государства-агрессоры приняли поправку, не будет эффективной: маловероятно, что такие государства пожелают предпринять такой шаг. Однако заявление о выходе из режима в корне меняет положение дел и стимулирует государства к анализу необходимости поправки и принятию решения о том, смогут ли они обойтись без нее или нет.

42. Председатель отметил, что Международный Суд может выносить определение относительно наличия акта агрессии в рамках состязательного процесса только в случае предшествующего выражения предполагаемым государством-агрессором согласия с юрисдикцией МС. *Может ли связь с основанной на согласии состязательной практикой судопроизводства МС позволить учесть озабоченности по поводу согласия предполагаемого государства-агрессора, хотя бы косвенным образом?*

43. Этот вопрос подробно не обсуждался. Было выражено мнение, что такое использование практики Международного Суда будет в правовом отношении проблематичным и в реальности неосуществимым, поскольку Международный Суд будет пытаться избежать использования термина "акт агрессии". Кроме того, участие Международного Суда может привести к значительной задержке в судопроизводстве. Была также высказана мысль, что связь между согласием государства с юрисдикцией Международного Суда (которая может вести к вынесению Международным Судом определения в отношении наличия акта агрессии) и согласием этого государства с юрисдикцией МУС в отношении преступления агрессии является слишком опосредованной, для того чтобы являться полезной.

2. Юрисдикционные фильтры

44. Председатель напомнил, что делегации по-прежнему высказывают противоречивые мнения относительно того, какой юрисдикционный фильтр должен быть предусмотрен в проекте пункта 4 статьи 15-бис. Он предложил глубже обсудить этот вопрос на основе ряда конкретных сценариев.

Передача ситуации самим государством-агрессором

45. Председатель отметил, что одним из таких сценариев является передача ситуации самим государством-агрессором, т.е. передача после смены правительства в этом государстве. *Если государство передало бы ту или иную ситуацию на рассмотрение Суда с конкретной целью привлечь к ответственности своего бывшего руководителя (руководителей) за преступление агрессии, совершенное этим государством, продолжала бы существовать необходимость в юрисдикционном фильтре?*

46. Мнения по этому вопросу разделились. Ряд участников высказались за применение юрисдикционного фильтра в этом сценарии. Несколько участников специально отметили роль Совета Безопасности по Уставу Организации Объединенных Наций, тогда как другие участники сослались на полезную роль других фильтров, таких, как Палата предварительного производства или Генеральная Ассамблея. Юрисдикционные фильтры предназначены для обеспечения того, чтобы Суд не занимался несерьезными или политически мотивированными делами, т.е. для защите Суда. Такие ситуации могут возникать в случае передачи ситуации самим государством-агрессором после смены правительства. Было отмечено, что требование в отношении согласия предполагаемого государства-агрессора и вопрос о юрисдикционных фильтрах в некотором отношении взаимосвязаны, но что по каждому из них необходимо будет найти политически приемлемые решения: решение по одному вопросу не поможет решить другой.

47. Другие участники выразили мнение, что в такой ситуации в свете согласия предполагаемого государства-агрессора, выраженного в форме передачи дела Суду, никакого юрисдикционного фильтра не требуется. В таком случае Римский статут уже предусматривает фильтры, не допускающие проведения политически мотивированных расследований, и этими фильтрами являются соответствующие роли Канцелярии Прокурора и Палаты предварительного производства. Было выражено мнение, что данный вопрос касается нескольких юрисдикционных фильтров весьма различного характера, что не позволяет дать односложный ответ на него. В этом контексте ряд участников напомнили, что они в целом возражают против каких-либо юрисдикционных фильтров в случае преступления агрессии.

Передача ситуации Советом Безопасности

48. Председатель рассмотрел сценарий, в котором Совет Безопасности передает ситуацию Суду, не вынеся определения в отношении наличия акта агрессии. Может сложиться впечатление, что были совершены только другие преступления или что имелись другие причины, по которым Совет Безопасности не вынес определения о наличии акта агрессии. *Можно ли в тех случаях, когда та или иная ситуация находится на рассмотрении Суда лишь по причине ее передачи ему Советом Безопасности, утверждать, что Совет Безопасности должен сохранять за собой приоритетное право на установление факта наличия акта агрессии (или по крайней мере дать "зеленый свет"), ведь в других обстоятельствах Совет мог бы просто принять решение о передаче ему этой ситуации?*

49. Этот вопрос подробно не обсуждался. Ряд участников утверждали, что даже в случае передачи ситуации Советом Безопасности бездействие Совета в плане установления акта агрессии не должно блокировать расследование преступления агрессии. Они напомнили, что Совет Безопасности всегда может приостановить расследование или преследование на основании статьи 16 Римского статута, чего достаточно для того, чтобы развеять любые возможные озабоченности Совета. Утверждалось также, что предоставление такого приоритетного права Совету Безопасности может привести к односторонним преследованиям, когда преследоваться за преступление будет лишь одна сторона в конфликте (например, за военные преступления, совершенные в ходе войны против агрессора), тогда как другая сторона не понесет никакого наказания за акт агрессии.

50. Ряд участников высказали мнение, что рассматривать такой сценарий преждевременно. Другие сочли, что допущение в отношении такой передачи ситуации Советом Безопасности, которая описана выше, является чисто гипотетическим. Однако было выражено и прямо противоположное мнение, в частности о том, что немеждународный вооруженный конфликт может превратиться в международный с учетом новых доказательств.

51. Было отмечено, что описанный выше сценарий можно рассматривать как "ограниченную" передачу ситуации Советом Безопасности: Совет будет иметь возможность передавать ситуацию Суду, но одновременно резервировать за собой право разрешать проведение расследования преступления агрессии на более поздней стадии. Прокурору в любом случае будет разрешено начинать расследования по трем другим преступлениям, но в отсутствие определения Советом наличия акта агрессии на последующей стадии (или в отсутствие "зеленого света") проведение расследования преступления агрессии будет невозможным. Был задан вопрос о том, является ли такая "ограниченная" передача ситуации совместимой со статьей 13 b) Римского статута. В то же время было отмечено, что возможность такой ограниченной передачи подразумевается в нынешнем тексте альтернативы 1 проекта пункта 4 статьи 15-бис.

52. Было выражено мнение, что можно легко согласиться с тем, что Совету Безопасности будет разрешено сохранять контроль за вопросом об агрессии в том случае, если передача ситуации Советом является единственным способом прежде всего приведения в действие юрисдикции Суда.

Расследование *proprio motu* и передача ситуации потерпевшим государством

53. Председатель предложил проложить обсуждение различных вариантов юрисдикционных фильтров с целью нахождения путей к компромиссу и кратко остановился на других вопросах, рассматриваемых в неофициальном документе. Однако никакого обсуждения по этим вопросам не проводилось. Таким образом, эти и другие вопросы необходимо будет обсудить в рамках будущей работы Ассамблеи государств-участников по преступлению агрессии.

Приложение I

Проект элементов преступлений

Статья 8-бис

Преступление агрессии

Введение

1. Существует понимание того, что любой из актов, упомянутых в пункте 2 статьи 8-бис, квалифицируется как акт агрессии.
2. Требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку несовместимости применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций, отсутствует.
3. Термин "явным" является объективным определением.
4. Требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку "явного" характера нарушения, отсутствует.

Элементы

1. Нарушитель планировал, подготавливал, инициировал или осуществлял акт агрессии.
2. Нарушитель являлся лицом¹, которое было в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии.
3. Был совершен акт агрессии: применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций.
4. Нарушитель сознавал фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций.
5. Акт агрессии в силу своего характера, серьезности и масштабов являлся явным нарушением устава Организации Объединенных Наций.
6. Нарушитель сознавал фактические обстоятельства, указывающие на такое явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций.

¹ В случае акта агрессии находиться в положении, отвечающем этим критериям, может более чем одно лицо.

Приложение II

Неофициальный документ Председателя по элементам преступлений

1. Настоящий неофициальный документ преследует цель облегчить обсуждение в Принстонском клубе элементов состава преступления агрессии и содержит информацию о прогрессе, достигнутом в области предметного обсуждения определения данного преступления после распространения в 2002 году проекта элементов¹. В нем отражено продолжение работы, которая была проделана согласно мандату Подготовительной комиссии, содержащемуся в резолюции F Заключительного акта Римской конференции², и Специальной рабочей группой по преступлению агрессии (именуемой далее "Группа") в соответствии с резолюцией ICC-ASP/1/Res.1 Ассамблеи государств-участников, озаглавленной "Продолжение работы в отношении преступления агрессии"³, которая упоминается также в пункте 30 доклада Группы от ноября 2008 года⁴. Перед настоящим неофициальным документом ставилась задача содействовать углубленному рассмотрению элементов в рамках общего процесса, ведущего к Конференции по обзору.
2. Дискуссионный документ, подготовленный Австралией и Самоа, был неофициально распространен на последнем совещании Группы в феврале 2009 года и затем рассмотрен на коротком неофициальном выездном заседании по элементам преступления агрессии, состоявшемся 16-18 апреля 2009 года в Монтре, Швейцария. Краткое резюме обсуждений, состоявшихся на выездном заседании, было распространено отдельно. Участники этого совещания рассмотрели ряд вариантов возможных элементов и высказали ряд соображений по формулировкам.
3. Настоящий неофициальный документ опирается на уже проделанную работу и содержит проект элементов - **добавление I**, а также подробные пояснения - **добавление II**. Он представляется Председателем в целях содействия обсуждениям.

¹ Дискуссионный документ по вопросам, касающимся определения и элементов состава преступления агрессии, подготовленный координатором Рабочей группы по преступлению агрессии (PCNICC/2002/2/Add.2).

² *Официальные отчеты Дипломатической конференции полномочных представителей Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда, Рим, 15 июля - 17 июля 1998 года* (документ Организации Объединенных Наций, A/CONF.183/13, том I).

³ *Официальные отчеты Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, первая сессия, Нью-Йорк, 3-10 сентября 2002 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под номером P.03.V.2 и исправление), часть IV, резолюция ICC-ASP/1/Res.1.

⁴ *Официальные отчеты Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия, Гаага, 14-22 ноября 2008 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20), том I, приложение III.

Добавление I

Проект элементов преступлений

Статья 8-бис

Преступление агрессии

Введение

1. Существует понимание того, что любой из актов, упомянутых в пункте 2 статьи 8-бис, квалифицируется как акт агрессии.
2. Из формулировки элемента 4 явствует, что требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку несовместимости применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций, отсутствует.
3. Что касается элементов 5 и 6, то термин "грубым" является объективным определением.
4. Из формулировки элемента 6 явствует, что требование в отношении доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку "грубого" характера нарушения, отсутствует.

Элементы

1. Нарушитель планировал, подготавливал, инициировал или осуществлял акт агрессии.
2. Нарушитель являлся лицом¹, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии.
3. Был совершен акт агрессии: применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций.
4. Нарушитель признавал фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения вооруженной силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций.
5. Акт агрессии в силу своего характера, серьезности и масштабов являлся грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.
6. Нарушитель признавал фактические обстоятельства, указывающие на такое грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций.

¹ В случае акта агрессии находиться в положении, отвечающем этим критериям, может более чем одно лицо.

Добавление II

Пояснительная записка

I. Существующее общее введение к элементам преступлений

1. В существующем общем введении к элементам преступлений разъясняются некоторые вопросы, касающиеся элементов преступлений. Например, в нем разъясняется взаимосвязь между элементами и другими общими принципами, закрепленными в части 3 Статута, поясняются некоторые вопросы, касающиеся терминологии, и даются комментарии по структуре элементов.

2. Предложения Группы содержат текст проекта поправки к статье 9 Римского статута, суть которой заключается в том, чтобы добавить ссылку на преступление агрессии¹. В пункт 1 общего введения к элементам преступлений потребуется внести аналогичную поправку, заменив слова "статьей 6, 7 и 8" словами "статей 6, 7, 8 и 8-бис".

3. Считается, что другие части общего введения к элементам состава преступления агрессии можно оставить без изменений.

II. Специальное введение к элементам состава преступления агрессии

4. Существующий текст элементов преступлений в дополнение к общему введению содержит "специальные" введения к каждому преступлению, подпадающему под юрисдикцию Суда. В данном неофициальном документе предлагается включить такое "специальное" введение к преступлению агрессии, цель которого будет заключаться в предоставлении дополнительных руководящих указаний по ряду вопросов, возникающих в связи с предложенными элементами состава преступления агрессии.

5. В пункте 1 разъясняется, что определение акта агрессии в проекте пункта 2 статьи 8-бис по-прежнему целиком применяется, несмотря на то, что формулировка предложенного элемента 3 в основном касается лишь части этого определения. Поскольку было бы излишним заново воспроизводить в элементе 3 всё определение, в пункте 1 поясняется, что текст элементов не меняет этого определения.

6. В пункте 2 разъясняется, что в предлагаемом элементе 4 речь идет о таком субъективном элементе, как "знание факта" несовместимости применения силы государством с Уставом Организации Объединенных Наций. Таким образом разъясняется, что от нарушителя не требуется знать правовую доктрину и нормы, используемые для оценки того, является ли применение каким-либо государством силы несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, поскольку требуется лишь то, чтобы государство сознавало фактические обстоятельства, указывающие на эту несовместимость. Аналог можно найти в первом подпункте пункта 3 "специального" введения к элементам военных преступлений, в котором разъясняется, что два последних элемента военных преступлений не устанавливают требования в

¹ См. пункт 26 доклада СРГПА от февраля 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств - участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая части возобновленной сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II.

отношении правовой оценки нарушителем существования вооруженного конфликта или его международного или немеждународного характера.

7. В пункте 3 разъясняется, что термин "грубое", применяемый в предлагаемых элементах 5 и 6, является объективным определением. Иными словами, решающим является заключение Суда, согласно которому конкретное нарушение Устава Организации Объединенных Наций является объективно "грубым", и в этой связи вовсе не требуется, чтобы оно рассматривалось как грубое нарушение самим нарушителем. Аналог можно найти во втором подпункте "специального" введения к элементам преступления геноцида.

8. Пункт 4 выполняет аналогичную функцию в отношении предлагаемого элемента 6, а пункт 2 - в отношении предлагаемого элемента 4.

III. Структура и принципы предлагаемых элементов состава преступления агрессии

9. В проекте элементов, содержащемся в приложении I, используется та же структура и те же принципы, что и в элементах преступления геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Обычно в этих элементах перечисляются поведение, последствия и обстоятельства в указанном порядке, при этом конкретные субъективные элементы, в случае необходимости, приводятся после поведения, последствий или обстоятельств². С целью представления элементов, логически вытекающих один из другого, последовательность предложенных элементов в приложении I несколько отличается от указанного общего порядка.

10. В пункте 1 статьи 30 Римского статута указывается, что, если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно. Его прочтение в совокупности с пунктом 2 общего введения к элементам преступлений дает следующее: если в тексте элементов не делается никакой ссылки на конкретный субъективный признак в связи с каким-либо конкретным перечисленным объективным признаком, применяется соответствующий субъективный признак, указанный в статье 30 - намерение или знание или и то и другое. Обычно намерение идет вкупе с такими элементами, как поведение или последствия, а знание - с элементом обстоятельств или последствий.

IV. Предлагаемые элементы 1 и 2: поведение индивидуума или требование в отношении руководства

11. Формулировка предлагаемых элементов 1 и 2 непосредственно основана на соответствующей части пункта 1 проекта статьи 8-бис, содержащейся в предложениях по положению об агрессии, разработанных Специальной рабочей группой по преступлению агрессии³.

² *Официальные отчеты Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, первая сессия, Нью-Йорк, 3-10 сентября 2002 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под номером P.03.V.2 и исправления), часть II.B, пункт 7.

³ См. доклад СРГПА от февраля 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая части возобновленной сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II, добавление I.

12. *Предлагаемый элемент 1* устанавливает такой элемент состава преступления агрессии, как поведение. Применение статьи 30 к преступлению агрессии будет означать, что нарушитель обязательно должен был иметь в качестве намерений (то есть намереваться) планирование, подготовку, инициирование или осуществление акта агрессии (статья 30, пункт 2 а)). Субъективный элемент знания не будет применим в данном случае, поскольку предлагаемый элемент 1 представляет собой элемент, касающийся поведения, а не обстоятельств или последствий. Поскольку применение статьи 30 является в данном случае достаточно ясным, нет необходимости формулировать какой-либо субъективный элемент в связи с предлагаемым элементом 1.

13. Предлагаемый элемент 1 предполагает определенную степень причинной связи между участием нарушителя и совершением государственного акта. Однако при наличии большого количества фактических ситуаций, в которых вопрос о причинной связи может являться релевантным, в конкретном случае не представляется практически возможным разработать общий критерий, конкретизирующий характер и степень необходимой причинной связи, и поэтому предпочтительнее было бы оставить этот вопрос на усмотрение Суда, который примет свое решение с учетом фактов конкретного дела, находящегося на его рассмотрении.

14. *Предлагаемый элемент 2* представляет собой элемент, касающийся обстоятельств, то есть в нем описываются обстоятельства, в которых происходят действия, описанные в предлагаемом элементе 1. Если применить статью 30 к предлагаемому элементу 2, это будет означать, что нарушитель должен был знать (то есть сознавать), что он или она были в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии. Поскольку применение статьи 30 в данном случае также является достаточно ясным, никакой необходимости конкретно говорить о субъективном элементе в связи с предлагаемым элементом 2 нет.

15. В сноске к тексту элемента 2 разъясняется, что быть потенциально ответственным за совершение преступления агрессии может более чем одно лицо, удовлетворяющее требованию в отношении руководства, предусмотренному в элементе 2. Например, в тех случаях, когда совместное решение о совершении акта агрессии принимается двумя лицами, оба из которых "в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями" государства, оба эти лица могут являться потенциально ответственными за совершение данного преступления.

V. Предлагаемые элементы 3 и 4: государственный акт агрессии

16. *Предлагаемый элемент 3* содержит описание государственного акта агрессии. Его формулировка практически полностью воспроизводит формулировку проекта пункта 2 статьи 8-бис, содержащегося в тексте предложений Группы⁴. Однако эта формулировка была несколько изменена во избежание использования активной формы глаголов. Это было сделано по аналогии с существующей формулировкой элементов преступлений, в контексте которой активная форма глаголов может использоваться только в связи с поведением индивидуального нарушителя⁵. Это было сделано для того, чтобы избежать путаницы, которая может возникнуть в результате использования активной формы глагола в отношении актов государства, когда может возникнуть впечатление, что акты государства представляют собой элемент "поведения".

⁴ Там же.

⁵ См., например, элемент 3 военного преступления, квалифицируемого как разграбление, в статье 8 (2) (b) (xvi), который содержит формулировку "экспроприация без согласия владельца" вместо "владелец не дал согласия на экспроприацию".

17. Как указано далее в пункте 5 выше, в пункте 1 "специального" введения разъясняется, что в данном случае также предусматривается применение целиком понятия "акта агрессии", приведенного в пункте 2 статьи 8-бис.

18. Исторические прецеденты, например, дело *High Command*⁶ требовало высокой степени знания агрессивной войны государства для возникновения индивидуальной уголовной ответственности. Однако субъективный элемент, требующий, чтобы нарушитель явно знал, что государственные акты несовместимы с Уставом Организации Объединенных Наций (что фактически требует знания права), может иметь непредвиденные последствия. Например, он может побуждать потенциального нарушителя намеренно закрыть глаза на противоправный характер его или ее действий или полагаться на сомнительное консультативное заключение в поддержку законности актов государства, даже если впоследствии будет доказано, что это заключение является неверным. Кроме того, во внутренних правовых системах обычно стараются избегать субъективных элементов, требующих знания законов, поскольку они затрудняют надлежащее доказывание.

19. Во избежание недостатков конкретного требования относительно знания права предложенный элемент 4 содержит элемент "фактических обстоятельств", т.е. элемент, который часто используется в элементах таких преступлений, как определенные преступления против человечности и военные преступления, которые основываются на ряде правовых концепций⁷. Предлагаемый элемент 4 требует, чтобы нарушитель сознавал фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения государством вооруженной силы с Уставом Организации Объединенных Наций. Хотя это требование не требует знания того, что акт агрессии является противоправным, оно направлено на достижение надлежащего баланса между необходимостью возникновения уголовной ответственности в тех случаях, когда нарушитель в полной мере сознает фактические обстоятельства, в которых совершается государственный акт, и необходимостью избежать недостатки описанного выше строгого подхода, основанного на "знании права".

20. С тем чтобы выполнить требования предлагаемого элемента 4, будет недостаточно просто доказать, что нарушитель знал факты, указывающие на то, что государство применило вооруженную силу. Необходимо будет также доказать, что нарушитель знал факты, указывающие на несовместимость применения силы с Уставом Организации Объединенных Наций. Примеры соответствующих фактов в данном случае могут включать следующие: тот факт, что применение силы было направлено против другого государства, наличие или отсутствие резолюции Совета Безопасности, содержание резолюции Совета Безопасности, наличие или отсутствие предшествующего или неминуемого нападения другого государства.

⁶ *United States of America v. Wilhelm von Leeb et al. (the High Command case)*, Judgement, 27, 28 October 1948. See also the very useful work of the Preparatory Commission in its Historical Review of Developments Relating to Aggression, Table 6 - Knowledge (PCNICC/2002/WGCA/L.1 and Add.1).

⁷ Например, фактические обстоятельства, устанавливающие законность присутствия какого-либо лица в каком-либо районе (элементы преступлений, статья 7 (1) (d) - преступление против человечности, заключающееся в депортации или насильственном перемещении населения, элементы 2 и 3); охраняемый статус лица по Женевским конвенциям (см. элементы большей части военных преступлений, например статью 8 (2) (a) (i) - военное преступление, заключающееся в сознательном убийстве, элементы 2 и 3); или наличие вооруженного конфликта (см. элементы большей части военных преступлений, например 8 (2) (a) (i) - военное преступление, заключающееся в сознательном убийстве, элемент 5).

21. Уточняющий субъективный элемент "знания фактических обстоятельств" в отличие от субъективного элемента "знания права" в принципе может ограничивать вероятность ошибки в правовых аргументах⁸. Вместе с тем сослаться на такую ошибку в любом случае будет весьма сложно с учетом того, что в силу требования относительно порогового уровня, содержащегося в пункте 8-бис, под юрисдикцию Суда будут подпадать только "грубые" нарушения Устава, а не пограничные случаи. В любом случае нарушитель в свою защиту может сослаться на ошибку в факте в отношении этого элемента, согласно пункту 1 статьи 32, что в случае доказательства приведет к освобождению от ответственности.

22. Еще один вопрос, подлежащий рассмотрению, заключается в том, что в ряде разбирательств в рамках Нюрнбергского процесса в дополнение к фактическому знанию трибунал рассмотрел возможность предполагаемого или гипотетического знания фактов⁹. В пункте 3 общего введения к элементам преступлений уже разъяснено, что Суд может допускать такое знание с учетом соответствующих фактов и обстоятельств. Однако, кроме того, государства, возможно, пожелают рассмотреть вопрос о том, поддерживает ли нюрнбергская правовая практика элемент знания (и будет ли какой-либо смысл включать его), который конкретно разрешает предполагать такое знание или предусматривает пороговый уровень для субъективного элемента - "должен был знать" (то есть предусматривает элемент халатности). Хотя такой элемент вины, как халатность, используется в элементах преступлений в отношении определенных преступлений геноцида и военных преступлений¹⁰, соответствие таких элементов определению агрессии потребует дальнейшего обсуждения.

VI. Предлагаемые элементы 5 и 6: требование о пороговом уровне

23. В *предлагаемом элементе 5* описывается содержащееся в пункте 1 статьи 8-бис требование относительно порогового уровня, согласно которому для того, чтобы повлечь за собой индивидуальную уголовную ответственность, государственный акт агрессии должен являться грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.

24. В *предлагаемом элементе 6* приводится конкретный субъективный элемент для предлагаемого элемента 5. Вместо того чтобы повторять все предложение, содержащееся в определении и предлагаемом элементе 5 описание либо акта, который "в силу своего характера, серьезности и масштабов представляет собой грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций", в элементе 6 используется фраза "такое грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций".

⁸ В пункте 2 статьи 32 предусматривается, что "[однако] ошибка в праве может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления...".

⁹ См. дела *Hess, Schacht, Bormann* и *IG Farben* в таблице 6 (примечание 6, выше).

¹⁰ Речь идет о следующих преступлениях: насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую (статья 6 е); военное преступление, заключающееся в ненадлежащем использовании флага парламентария (статья 8 (2) (b) (vii)-1); военное преступление, заключающееся в ненадлежащем использовании флага или военных знаков различия и формы неприятеля (статья 8 (2) (b) (vii)-2); военное преступление, заключающееся в ненадлежащем использовании отличительных эмблем Женевских конвенций (статья 8 (2) (b) (vii)-4); военное преступление, заключающееся в наборе или вербовке детей (статья 8 (2) (b) (xxvi)); и военное преступление, заключающееся в использовании, наборе или вербовке детей (статья 8 (2) (e) (vii)). Субъективный элемент халатности, содержащийся в элементах преступлений, был использован Палатой предварительного производства I Суда в ряде решений, например: решение о подтверждении обвинений, *Лубанга*, ППП 1, 29 января 2007 года (ICC 01/04-01/06); решение о подтверждении обвинений, *Катанга и Нгуджоло Чуи*, ППП 1, 30 сентября 2008 года (ICC 01/04-01/07). Соответствие элементов халатности положениям Статута подробно Судом еще не обсуждалось.

25. Требование, касающееся знания, в предлагаемом элементе 6, дополняет требование, содержащееся в предложенном элементе 4. Оно предусмотрено по той причине, что могут быть случаи, когда обвиняемый знает о фактах, указывающих на то, что применение силы государством является актом агрессии, но не знает других фактов, указывающих на то, что данный акт агрессии в силу своего характера, серьезности и масштабов представляет собой грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций. Например, обвиняемый может знать о передвижении какой-либо группы войск через государственную границу, но не знать о масштабах нападения. По этой причине включение отдельного субъективного элемента в элемент 6, требующего знания фактических обстоятельств, указывающих на грубое нарушение, является целесообразным.

26. Как упомянуто в пункте 7 выше, пункт 3 "специального" введения разъясняет, что термин "грубое" в предлагаемых элементах 5 и 6 является объективным определением, то есть решение по этому вопросу остается за Судом. Кроме того, в пункте 4 "специального" введения подтверждается, что никакого требования относительно доказывания того, что нарушитель провел правовую оценку в связи с требованием относительно порогового уровня, не существует, поскольку предлагаемый элемент 6 требует лишь знания нарушителем соответствующих фактов.

Приложение III

Неофициальный документ Председателя об условиях осуществления юрисдикции

I. Введение

1. Настоящий неофициальный документ призван облегчить обсуждение в Принстонском клубе основных неурегулированных вопросов, касающихся «условий осуществления юрисдикции» в отношении преступления агрессии. Эти неурегулированные вопросы нашли отражение прежде всего в предложениях по положению об агрессии пункта 4 проекта статьи 15-бис, которые были разработаны Специальной рабочей группой по преступлению агрессии (именуемой далее «Группа») ¹. В докладе Группы, изданном в феврале 2009 года, в этой связи отмечается, что данный пункт требует «дальнейшего обсуждения, в том числе на основе новых идей и предложений» ². С этим вопросом напрямую связана проблема процедуры введения в действие юрисдикции (статья 121, пункты 4 и 5).

2. Делегациям предлагается воспользоваться этим межсессионным совещанием, чтобы обменяться мнениями относительно возможных способов нахождения приемлемого решения неурегулированных вопросов, в том числе на основе таких новых идей и предложений. Ввиду очень сложного характера проблемы и наличия многочисленных переменных факторов, связанных с обсуждением, Председатель предлагает участникам рассмотреть конкретные *вопросы (выделены ниже курсивом)*, относящиеся к конкретным сценариям, на основе ряда соображений, которые могут быть сформулированы с учетом результатов предыдущей работы Группы.

II. Некоторые основополагающие соображения для обсуждения неурегулированных вопросов

3. К преступлению агрессии применяются **все три существующих механизма введения в действие юрисдикции**. Исходя из пункта 1 статьи 15-бис, Прокурор может провести предварительное расследование преступления агрессии после использования любого из трех таких существующих механизмов: механизма передачи ситуации государством, механизма передачи ситуации Советом Безопасности или механизма *proprio motu*. Механизм введения в действие юрисдикции необходимо отделить от вопроса **юрисдикционного фильтра**, который встает лишь на более позднем этапе, как предусмотрено в пунктах 2-4 статьи 15-бис.

4. В случае **передачи ситуации Советом Безопасности** Суд может осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии **независимо от согласия соответствующего государства**. Это следует из статьи 13 b) Статута, и именно таким было понимание в Группе ³. С требованием территориальности или гражданства (пункт 2 статьи 12) при передаче ситуации Советом Безопасности проблемы не возникает.

¹ См. доклад СРГПА за февраль 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая возобновленные части сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II.

² Там же, пункт 19.

³ Там же, пункты 28 и 29.

5. При проведении **расследования после передачи ситуации государством или расследования *proprio motu*** требование пункта 2 статьи 12 Статута относительно **территориальности или гражданства** применяется. В этих двух случаях основанием для вступления в действие юрисдикции является согласие (согласие быть связанным Римским статутом и поправкой об агрессии) государства, граждане которого совершили агрессию или на территории которого она была совершена. В этой связи важно отметить, что преступление **агрессии обычно совершается на территории как государства-агрессора, так и потерпевшего государства**⁴. Поэтому для обеспечения ясности при обсуждении вопросов территориальности целесообразно делать ссылку на предполагаемое государство-агрессор (обычно им является государство, гражданами которого и на территории которого было совершено преступление агрессии) и на предполагаемое потерпевшее государство (обычно им является государство, на территории которого было совершено преступление агрессии).

III. Предполагаемая структура обсуждения неурегулированных вопросов

6. Председатель предлагает четко обсудить неурегулированные вопросы по существу в целях содействия полному пониманию позиций всех делегаций и изучения путей нахождения приемлемого решения. На данном этапе, по-видимому, целесообразно обсудить прежде всего существенные вопросы, вызывающие озабоченность у делегаций, а не технические формулировки, направленные на обеспечение учета этих озабоченностей. Формированию структуры такого открытого обсуждения и его облегчению призваны содействовать нижеприводимые замечания, а также вопросы, содержащиеся в приложении. В этой связи выделены два основных вопроса: вопрос **согласия предполагаемого государства-агрессора** (тесно связанный с выбором пункта 4 или пункта 5 статьи 121 Статута) и вопрос **юрисдикционных фильтров** (нашедший отражение в пункте 4 статьи 15-бис).

7. Важно отметить, что вопрос согласия предполагаемого государства-агрессора и вопрос юрисдикционных фильтров тесно связаны между собой и что варианты, касающиеся одного вопроса, должны обсуждаться вместе с различными вариантами, относящимися к другому вопросу. Взаимосвязь между этими двумя вопросами имеет далеко идущие последствия для юрисдикции Суда в каждом конкретном случае.

IV. Согласие предполагаемого государства-агрессора как условие осуществления юрисдикции

8. Вопрос согласия предполагаемого государства-агрессора необходимо рассматривать только в связи с расследованиями, проводимыми после передачи ситуации государством, и в связи с расследованиями *proprio motu*. При передаче ситуации Советом Безопасности на основании полномочий Совета, предусмотренных в главе VII Устава Организации Объединенных Наций, наличия такого согласия не требовалось бы⁵.

⁴ Группа рассмотрела вопрос о территориальности преступления в предыдущих докладах, см. пункты 38 и 39 доклада СРГПА за февраль 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая возобновленные части сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II; и пункты 28 и 29 доклада СРГПА за ноябрь 2008 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия, Гаага, 14-22 ноября 2008 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20), том I, приложение III.

⁵ Пункты 28 и 29 доклада СРГПА за ноябрь 2008 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия,*

1. Принятие поправки, касающейся преступления агрессии, предполагаемым государством-агрессором

9. Одной из возможных форм выражения государством своего согласия с тем, что Суд будет осуществлять свою юрисдикцию в отношении того или иного будущего расследования предполагаемого акта агрессии со стороны этого государства, может быть принятие самой поправки об агрессии. В настоящее время в предложениях Группы отражено два подхода к этому вопросу.

- a) **Согласие предполагаемого государства-агрессора с поправкой об агрессии не потребуется** в двух следующих случаях: во-первых, если вступление в силу этой поправки будет регулироваться **пунктом 4 статьи 121** Статута, и, во-вторых, если ее вступление в силу будет регулироваться **пунктом 5 статьи 121** Статута при «**позитивном**» понимании его второго предложения⁶. В обоих случаях согласия потерпевшего государства с поправкой об агрессии будет достаточно для установления территориальной связи, требуемой в пункте 2 а) статьи 12 Статута. Именно этот подход используется в Римском статуте в отношении других преступлений в тех случаях, когда той или иной ситуацией затронуто более чем одно государство.
- b) **Согласие предполагаемого государства-агрессора с поправкой об агрессии потребуется** в том случае, если ее вступление в силу будет регулироваться **пунктом 5 статьи 121** Статута при «**негативном**» понимании его второго предложения⁷. В этом случае согласие государства-агрессора с этой поправкой потребуется для установления территориальной связи или связи с гражданством, которые предусмотрены в пункте 2 статьи 12 Статута.

2. Другие подходы к рассмотрению проблемы согласия предполагаемого государства-агрессора

10. Безотносительно к вопросу о согласии с поправкой об агрессии, в предложениях и докладах Группы описаны некоторые варианты, которые при определенных обстоятельствах действительно предусматривали бы введение требования о прямом или косвенном согласии предполагаемого государства-агрессора.

Гаага, 14-22 ноября 2008 года (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20), том I, приложение III.

⁶ Например, при таком понимании, которое должно найти отражение в санкционирующей резолюции и в соответствии с которым «второе предложение пункта 5 статьи 121 Статута не препятствует Суду в осуществлении юрисдикции в отношении акта агрессии, совершенного против государства-участника, принявшего поправку». См. пункты 34-37 доклада СРГПА за февраль 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая возобновленные части сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II.

⁷ Например, при таком понимании, которое должно найти отражение в санкционирующей резолюции и в соответствии с которым «второе предложение пункта 5 статьи 121 Статута препятствует Суду в осуществлении юрисдикции в отношении акта агрессии, совершенного любым государством, не принявшим поправки». См. пункты 34-37 доклада СРГПА за февраль 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая возобновленные части сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II.

11. В докладах Группы упоминается мысль об установлении требования относительно того, чтобы предполагаемое государство-агрессор выражало согласие с юрисдикцией Суда в отношении преступления агрессии посредством **заявления о принятии режима**. При введении требования относительно такого заявления юрисдикция Суда в случае проведения расследований после передачи ситуации государством или расследований *proprio motu* реально распространялась бы только на случаи предполагаемой агрессии со стороны государств-участников, которые согласились с поправкой об агрессии и сделали заявление о согласии с этой поправкой⁸. Как следствие, разница в применении пункта 4 и пункта 5 статьи 121 к поправке об агрессии значительно уменьшилась бы: в любом случае юрисдикция Суда в отношении агрессии не могла бы быть применена ни к одному государству-участнику против его воли.

12. Мысль о заявлении можно было бы адаптировать в еще большей степени, чтобы повысить вероятность того, что Суд будет действительно обладать юрисдикцией в отношении преступления агрессии по будущим делам. Вместо того, чтобы устанавливать требование о принятии режима, государствам можно было бы предоставить возможность сделать заявление о выходе из режима в отношении преступления агрессии, аналогичное предусмотренному в статье 124 Статута. Чтобы в полной мере учесть озабоченность проблемами суверенитета, можно было бы также при возможности предусмотреть, чтобы такие заявления были возобновляемыми и открытыми также и для государств, не являющихся участниками.

13. Через призму требования о косвенном согласии предполагаемого государства-агрессора можно было бы также рассматривать роль Международного Суда (МС) как юрисдикционного фильтра: в соответствии с предусмотренным в пункте 4 статьи 15-бис вариантом 4 альтернативы 2 МС мог бы устанавливать факт совершения акта агрессии в рамках своего состязательного **судопроизводства**, основанного на согласии.

V. Юрисдикционные фильтры

14. Каждый из различных вариантов юрисдикционных фильтров, предусмотренных в пункте 4 проекта статьи 15-бис (Совет Безопасности, Палата предварительного производства, Генеральная Ассамблея, Международный Суд), представлял бы собой условие осуществления юрисдикции и должен был бы рассматриваться в связи с вышеупомянутой проблемой согласия.

15. Во время ранее состоявшихся обсуждений в Группе делегации выразили разные предпочтения в отношении альтернатив и вариантов, предусмотренных в пункте 4 проекта статьи 15-бис. Чтобы углубить их обсуждение, предлагается отдельно рассмотреть некоторые конкретные сценарии.

1. Передача ситуации самим государством-агрессором

16. Может возникнуть ситуация, когда государство, совершившее агрессию против другого государства, пожелает передать дело Суду, например после смены правительства в государстве-агрессоре⁹. В силу практических причин государство-агрессор может оказаться не в состоянии проводить расследование или осуществлять преследование, несмотря на наличие в стране всех законов, необходимых для

⁸ Пункт 9 доклада СРГПА за февраль 2009 года в *Официальных отчетах Ассамблеи государств-участников Римского статута Международного уголовного суда, седьмая сессия (первая и вторая возобновленные части сессии), Нью-Йорк, 19-23 января и 9-13 февраля 2009 года* (издание Международного уголовного суда, ICC-ASP/7/20/Add.1), глава II, приложение II.

⁹ Возможно, посредством заявления, предусмотренного в пункте 3 статьи 12 Статута.

привлечения его бывшего руководителя (руководителей) к ответственности за преступление агрессии.

2. Передача ситуации Советом Безопасности

17. Совет Безопасности может передать ситуацию Суду, не устанавливая наличия факта совершения агрессии. Может выясниться, что были совершены лишь другие преступления, предусмотренные в статье 5 Статута, либо могут обнаружиться другие причины для невынесения Советом Безопасности заключения о наличии факта совершения акта агрессии. Тем не менее при наличии у Суда права на осуществление преследования в отношении преступления агрессии на том основании, что Совет Безопасности в общем-то может передать ему на рассмотрение соответствующую ситуацию, Совет Безопасности может предпочесть вообще не передавать ее ему.

3. Расследование *proprio motu* и передача ситуации потерпевшим государством

18. Альтернативы и варианты, предусмотренные в пункте 4 проекта статьи 15-бис, до сих пор обсуждались главным образом в контексте расследований *proprio motu* и использования механизма передачи ситуации потерпевшим государством или третьими государствами. Предлагается обсудить все эти разнообразные варианты, конкретно учтя те возможности, которые они могут дать в качестве элемента компромиссного решения.

19. Вышеприведенным анализом (пункты 8-13) требования о согласии предполагаемого государства-агрессора можно было бы опять-таки воспользоваться при рассмотрении вопроса о юрисдикционном фильтре, при этом полезным моментом было бы то, что эта проблема была только что подробно рассмотрена.

Добавление

Вопросы для обсуждения

I. Согласие предполагаемого государства-агрессора как условие осуществления юрисдикции

Передача ситуации Советом Безопасности	Передача ситуации государством и <i>proprio motu</i>
<p><i>(Согласие предполагаемого государства-агрессора не требуется)</i></p>	<p>Принятие поправки, касающейся преступления агрессии, предполагаемым государством-агрессором</p> <p>1. Должен ли Суд иметь возможность осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии на основе процедуры передачи ситуации государством или на основании результатов расследования <i>proprio motu</i> в том случае, если предполагаемое государство-агрессор не согласилось с поправкой об агрессии или не является государством-участником Римского статута?</p> <p>2. Могут ли озабоченности тех делегаций, которые в принципе отдают предпочтение требованию о наличии согласия с поправкой об агрессии со стороны предполагаемого государства-агрессора, рассматриваться иным образом через призму других элементов, основанных на согласии, либо через призму юрисдикционного фильтра?</p> <p>Другие подходы к рассмотрению проблемы согласия предполагаемого государства-агрессора</p> <p>3. Может ли мысль об установлении требования относительно заявления о принятии режима в дополнение к требованию о том, чтобы предполагаемое государство-агрессор было связано поправкой об агрессии, позволить учесть озабоченности тех делегаций, которые заявили о наличии у них трудностей с использованием процедуры введения в действие юрисдикции, предусмотренной в пункте 4 статьи 121 Статута?</p> <p>4. Можно ли продолжить изучение мысли об использовании заявления о выходе из режима в качестве средства согласования желания применять на широкой основе юрисдикцию Суда в отношении преступления агрессии с желанием принять во внимание беспокоящие проблемы суверенитета?</p> <p>5. Может ли связь с основанной на согласии состязательной практикой судопроизводства МС позволить учесть озабоченности по поводу согласия предполагаемого государства-агрессора, хотя бы косвенным образом?</p>

II. Юрисдикционные фильтры

Передача ситуации Советом Безопасности	Передача ситуации государством и <i>proprio motu</i>
<p>1. Можно ли в тех случаях, когда та или иная ситуация находится на рассмотрении Суда лишь по причине ее передачи ему Советом Безопасности, утверждать, что Совет Безопасности должен сохранять за собой приоритетное право на установление факта наличия акта агрессии? Ведь в других обстоятельствах Совет мог бы просто принять решение о передаче ему этой ситуации.</p>	<p>2. Если бы требовалось предварительное согласие предполагаемого государства-агрессора (например, выражаемое путем принятия поправки или формулирования заявления либо косвенным образом – посредством использования состязательных судопроизводственных процедур МС), продолжала ли существовать потребность в юрисдикционном фильтре в случае передачи ситуации государством или в случае проведения расследований <i>proprio motu</i>?</p> <p>3. Если государство передало бы ту или иную ситуацию на рассмотрение Суда с конкретной целью привлечь к ответственности своего бывшего руководителя (руководителей) за преступление агрессии, совершенное этим государством, продолжала ли существовать необходимость в юрисдикционном фильтре?</p> <p>4. Какие из элементов, предусмотренных в пункте 4 статьи 15-бис, могли бы служить составляющей компромиссного решения? Где именно в каждом из этих элементов находится граница компромисса? Какие иные предложения по поводу юрисдикционного фильтра могли бы быть полезны в процессе поиска компромисса?</p> <p>5. Может ли существовать необходимость в совмещении того или иного из юрисдикционных фильтров, предусмотренных в пункте 4 проекта статьи 15-бис, с требованием о согласии со стороны предполагаемого государства-агрессора?</p>

Приложение IV

Список участников

Афганистан

Г-н Мохаммед Эрфани Аюб
Советник-посланник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Аргентина

Г-жа Сильвия Фернандес де Гурменди
Директор, Генеральное управление по правам человека, Министерство иностранных дел

Г-н Мартин Майнеро
Третий секретарь, Правовой отдел, Министерство иностранных дел

Армения

Г-жа Карина Худавердян
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Ара Маргарян
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Австралия

Г-н Джемс Поттер
Старший сотрудник по правовым вопросам, Отдел международного права, Генеральная прокуратура

Г-н Андрю Роуз
Советник, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Австрия

Г-н Микаэль Байер
Руководитель Отдела по многосторонним международно-правовым вопросам, Министерство европейских и международных дел

Г-жа Ульрике Кёпер
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Бангладеш

Г-н Мохаммад Хастагир
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Бельгия

Г-жа Валери Делакура
Атташе, Федеральная государственная служба иностранных дел, внешняя торговля и развитие

Г-н Жерар Див
Федеральный координатор бельгийской Целевой группы по МУС-ИКТ, Министерство юстиции

Бенин

Г-н Жан Франсис Р. Зинзу
*Советник-посланник, Временный поверенный, Постоянное представительство при
 Организации Объединенных Наций*

Босния и Герцеговина

Г-жа Сейла Дурбузович
*Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
 Наций*

Бразилия

Г-н Маркос Маурицио Тоба
*Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
 Наций*

Болгария

Г-жа Красимира Бешкова
*Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
 Наций*

Г-жа Эмилена Попова
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Буркина-Фасо

Г-н Сифана Ибсен Коне
*Советник (по правовым вопросам), Постоянное представительство при Организации
 Объединенных Наций*

Канада

Г-жа Аннмиеке Холтуис
Советник, Секция политики в области уголовного права, Министерство юстиции

Г-жа Элизабет Вильямс
*Координатор, Отдел международных уголовных трибуналов, Отдел по правам
 человека и экономическому праву, Министерство иностранных дел и международной
 торговли*

Китай

Г-жа Дзяо Мэйгуо
Директор, Договорно-правовое управление, Министерство иностранных дел

Г-н Лиан Хе
*Советник по правовым вопросам, Договорно-правовое управление, Министерство
 иностранных дел*

Коалиция в поддержку Международного уголовного суда

Г-жа Энид Х. Адлер
Американская коллегия адвокатов

Г-жа Джута Бертам-Нотнейджел
*Заместитель Генерального секретаря по отношениям с международными
 организациями, Международный союз адвокатов*

Г-жа Бриджит Челебян
Президент, "Правосудие без границ"

Г-н Дэвид М. Крейн
Профессор, Сиракузский университет, Американская коллегия адвокатов

Г-н Бенджамин Ференц
Прокурор по военным преступлениям на Нюрнбергском процессе, Центр по вопросам мира при Университете Пейса

Г-н Дональд Фененц
Директор, Фонд "Единая планета"

Г-жа Ниам Гиббонс
Помощник по программам, Программа по Международному уголовному суду "Нет мира без справедливости"

Г-н Мэтью Хипи
Заместитель директора, американская НПО "Коалиция в поддержку МУС"

Г-н Роберт Мэнсон
Директор по судебным спорам, Институт по вопросам права, подотчетности и мира

Г-н Билл Пейс
Директор, Коалиция в поддержку МУС

Г-жа Дебора Руис Вендуско
Старший сотрудник по программам, "Парламентарии за глобальные действия"

Г-жа Парам-Притрсингх
Адвокат, Программа по международному правосудию, "Хьюмэн Райтс Уотч"

Г-жа Мария Евгения Солис Гарсия
Член Совета, Женские инициативы за гендерную справедливость

Г-жа Дженифер Трахан
Коллегия адвокатов города Нью-Йорка

Г-жа Ноа Вейсборд
Профессор права, Правовая школа Дьюка

Г-н Освальдо Савала-Хилер
Советник по правовым вопросам, Коалиция в поддержку МУС

Колумбия

Г-н Альваро Сандовал
Полномочный представитель, координатор Отдела юридических заключений, Министерство иностранных дел

Г-жа Роза Амалия Сулуага
Полномочный представитель, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Коста-Рика

Г-жа Алехандро Солана
Советник-посланник, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Хорватия

Г-жа Ивана Кожар
Атташе, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Куба

Г-жа Анет Пино Ривейро
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Кипр

Г-жа Полли Иоану
Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Чешская Республика

Г-н Алес Ханек
Советник (Шестой комитет), Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Ян Кубиста
Третий секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Демократическая Республика Конго

Г-н Жульен Бонгима
Эксперт МУС, координатор, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции

Г-жа Биби Маиша-Ньото
Секретарь, координатор, Канцелярия Президента

Г-н Теофил Кубота Мувиманва
Сотрудник службы исследований, Министерство юстиции

Дания

Г-н Дэвид Кендал
Заместитель руководителя управления, Министерство иностранных дел Королевства Дании

Г-н Маркин Меннеке
Советник по научным вопросам, Колледж обороны Королевства Дании

Доминиканская Республика

Г-н Вилмон Мартинес
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-жа Клара Сантана
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Эквадор

Г-жа Вероника Гомес
Второй секретарь, Министерство иностранных дел

Египет

Г-жа Намира Негм
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Эстония

Г-жа Минна-Лиина Линд
Третий секретарь, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Европейская Комиссия

Г-жа Шарлотта Люкер-Кумбс

Советник по правовым вопросам, делегация Европейской комиссии при Организации Объединенных Наций

Г-н Рулан Трико

Советник по правовым вопросам, делегация Европейской комиссии при Организации Объединенных Наций

Фиджи

Г-жа Эсала Наяси

Второй секретарь, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Финляндия

Г-н Арто Хаапса

Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-жа Мария Лето

Заместитель советника по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, правовая служба

Франция

Г-н Кристиан Бернье

Специальный помощник директора Управления международных организаций, Министерство иностранных дел

Г-жа Патригианна Наспарачино-Тьеллей

Специальный помощник директора правового управления, Министерство иностранных дел

Германия

Г-н Клаус Кресс

Профессор уголовного права, Кельнский университет

Г-н Томас Шнейдер

Руководитель Отдела по делам МУС, Федеральное министерство иностранных дел

Г-жа Сузанна Вазум-Райнер

Заместитель Генерального директора, Федеральное министерство иностранных дел

Гана

Г-н Эбенезер Апиреку

Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Греция

Г-жа Фани Дескалопулу-Ливада

Советник по правовым вопросам, руководитель Секции публичного международного права, Правовой департамент, Министерство иностранных дел

Гватемала

Г-жа Ана-Кристина Родригес Пинеда

Первый секретарь (советник по правовым вопросам), Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Венгрия

Г-жа Орсоля Барта
Третий секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Индия

Г-жа Неру Када
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

**Международный уголовный суд,
Секретариат Ассамблеи государств-участников**

Г-жа Эстер Холм
Младший сотрудник по правовым вопросам, Секретариат Ассамблеи государств-участников

Г-н Ренан Вилласис
Директор, Секретариат Ассамблеи государств-участников

Международный комитет Красного Креста

Г-н Роберт Юнг
Заместитель руководителя, советник по правовым вопросам, делегация МККК при Организации Объединенных Наций

Иран (Исламская Республика)

Г-н Эсмаэль Багэй Хамане
Второй секретарь, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Ирак

Г-н Риад И. Ошана
Второй секретарь, Министерство иностранных дел

Ирландия

Г-н Тревор Рэдмонд
Помощник советника по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, Правовой отдел

Израиль

Г-жа Марлен Мазель
Специальный советник, Управление международных дел, Канцелярия Генерального прокурора, Министерство юстиции

Г-жа Ади Шон Омани
Заместитель директора, Управление международного права, Канцелярия советника по правовым вопросам, Министерство иностранных дел

Италия

Г-н Роберто Беллелли
Советник по правовым вопросам, судья, Посольство Италии, Гаага

Г-н Джузеппе Неци
Профессор, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Сальваторе Заппала
*Профессор, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при
Организации Объединенных Наций*

Ямайка

Г-жа Шери Чеймберс
*Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
Наций*

Япония

Г-н Масатака Окано
*Директор, Отдел по международно-правовым вопросам, Министерство иностранных
дел*

Г-н Хидеоми Тамбо
Бюро по международным делам, Министерство иностранных дел

Иордания

Его Королевское Высочество принц Зеид Раад Зеид Аль-Хуссейн
Посол, посольство, Вашингтон, О.К.

Г-н Акрам Храшех
Третий секретарь, посольство, Гаага

Г-жа Махмуд Хмуд
*Советник, сотрудник по политическим и правовым вопросам, посольство, Вашингтон,
О.К.*

Г-н Эйхаб Омаиш
*Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
Наций*

Кения

Г-жа Стелла Орина
*Первый секретарь (по правовым вопросам), Постоянное представительство при
Организации Объединенных Наций*

Кувейт

Г-н Мохаммад Алансари
Помощник заместителя секретаря, Министерство юстиции, г. Кувейт

Латвия

Г-жа Кристина Малиновская
*Советник, заместитель Постоянного представителя при Организации Объединенных
Наций*

Ливан

Г-н Хасан Салех
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Лихтенштейн

Г-н Стефан Баррига
*Советник (по правовым вопросам), Постоянное представительство при Организации
Объединенных Наций*

Г-жа Лина Грувер
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Лихтенштейнский институт по проблемам самоопределения

Г-н Вольфганг Данспекгрубер
Директор, Школа ЛИСД Вильсона Вудроу, Принстонский университет

Литва

Г-н Аидас Сунелайтис
Третий секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Мадагаскар

Г-жа Лидия Рандрианаривони
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Малайзия

Г-жа Шазелина Заинул Абидин
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Мавритания

Г-н Оулд Юба Мохамед Моктар
Заместитель руководителя миссии, Временный поверенный в делах, посольство, Вашингтон, О.К.

Мексика

Г-н Алехандро Алдей-Гонзалес
Руководитель Отдела по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Пабло Монрой-Конеса
Заместитель директора Отдела международного гуманитарного права, Министерство иностранных дел

Г-н Виктор Мануэль Урибе-Авинья
Заместитель советника по правовым вопросам, Министерство иностранных дел

Монголия

Г-н Сукболд Суке
Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Черногория

Его Превосходительство г-н Небойша Калудьерович
Посол, Постоянный представитель при Организации Объединенных Наций

Марокко

Г-н Исмаил Чеккори
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Нидерланды

Г-н Нейлс Блоккер
Заместитель руководителя Отдела международного права, Министерство иностранных дел

Г-н Джаст Виарда
Советник, Министерство юстиции

Новая Зеландия

Г-жа Рахель Мэйдмент
Старший советник по правовым вопросам, Министерство иностранных дел и торговли

Нигерия

Г-н Чили Эбое-Осуйи
Руководитель Палат, Международный уголовный трибунал по Руанде

Г-жа Анжела Нворгу
Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Норвегия

Г-жа Сюзанна Юэлл Гудбрандсен
Советник, Министерство иностранных дел

Г-н Мартин Сорби
Заместитель Генерального директора, Министерство иностранных дел

Пакистан

Г-н Мухаммад Рафиутддин Шах
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Палестина

Г-жа Феда Абдельхади Нассер
Первый советник, Постоянная миссия наблюдателей от Палестины при Организации Объединенных Наций

Г-н Аммар Хаязи
Первый секретарь, Постоянная миссия наблюдателей от Палестины при Организации Объединенных Наций

Парагвай

Г-жа Лус Марина Морено
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Перу

Г-н Гонсало Бонифас
Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Филиппины

Г-жа Джанет Консепсьон
Атташе, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Польша

Г-н Владислав Чаплинский
Профессор международного права, Варшавский университет и Министерство иностранных дел

Г-н Петр Долата
Второй секретарь, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Португалия

Г-н Хоао Мадурейра
Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Михель де Серпа Соареш
Советник по правовым вопросам, директор Управления по правовым вопросам, Министерство иностранных дел

Республика Корея

Г-н Тае Хюн Чой
Профессор права, Ханьянский университет

Г-н Юнг Сок Ким
Профессор права, Женский университет в Эхва

Румыния

Г-жа Оана Флореску
Третий секретарь, советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Российская Федерация

Г-н Андрей В. Калинин
Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Игорь Панин
Руководитель Отдела, Правовой департамент, Министерство иностранных дел

Самоа

Г-н Роджер С. Кларк
Профессор права, Рутгерский университет, Школа права, Камден

Г-жа Ноэлани Маноя
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Сенегал

Г-н Демба Канди
Директор Отдела по уголовным делам, Министерство юстиции

Сербия

Г-н Борис Холовка
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Сьерра-Леоне

Его Превосходительство г-н Асман Кех Камара
Посол, заместитель Постоянного представителя (по правовым вопросам) при Организации Объединенных Наций

Сингапур

Г-н Джошуа Ло
Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-жа Чан Ю Пин
Первый секретарь (по политическим вопросам), Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Словакия

Г-жа Ева Журкова
Третий секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Словения

Г-н Матеуш Пездирк
Руководитель отдела, Министерство юстиции

Г-жа Тьяша Танко
Третий секретарь, Отдел международного права, Министерство иностранных дел

Южная Африка

Г-н Андре Стеммет
Старший государственный правовой советник по вопросам международного права, Хэтфилдский суд

Г-н Даяр Тлади
Советник по правовым вопросам, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Испания

Г-жа Консепсьон Эскобар Эрнандес
Советник по правовым вопросам, руководитель Управления международного права, Министерство иностранных дел и сотрудничества

Г-н Фернандо Вал-Горийо
Доцент, международное публичное право, Национальный университет заочного образования; советник по правовым вопросам, Министерство иностранных дел и сотрудничества

Суринам

Г-жа Мириам Макинтош
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Швеция

Г-н Пер Леннербрант
Старший советник по правовым вопросам, Отдел уголовного права, Министерство юстиции

Г-н Фридрих Нивеус
Советник по правовым вопросам, Департамент международного права, Министерство иностранных дел

Г-н Эрик Веннерстрем
Старший советник по правовым вопросам, Отдел международного права, Министерство иностранных дел

Швейцария

Г-н Эммануэль Бише
Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Г-н Юрг Линдерманн
*Заместитель советника по правовым вопросам, Швейцарское федеральное
министерство иностранных дел*

Сирийская Арабская Республика

Г-н Мазен Ади
*Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
Наций*

Таиланд

Г-жа Маттани Каэвпанья
*Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
Наций*

Тринидад и Тобаго

Г-н Иден Чарльз
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций
Г-жа Лизель Хамильтон
Стажер, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Тунис

Г-н Абдель Бен Лага
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Турция

Г-н Салих Бокак Гульдере
*Руководитель Департамента по делам Организации Объединенных Наций,
Министерство иностранных дел*

Г-н Резул Сахинол
Руководитель Правового департамента, Министерство иностранных дел

Г-н Эсат Махмут Йилмаз
Советник по правовым вопросам, Министерство иностранных дел

Уганда

Г-н Дункан Лаки Мухумуза
*Первый секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных
Наций*

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

Г-н Крис Вомерсли
*Заместитель советника по правовым вопросам, Отдел по делам иностранных
государств и стран Содружества*

Объединенная Республика Танзания

Г-н Джастин Н. Серухиа
*Полномочный представитель, Постоянное представительство при Организации
Объединенных Наций*

Венесуэла (Боливарианская Республика)

Г-жа Гленна Кабелло де Дабоин
Советник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Вьетнам

Г-жа Ха Нгуен

Советник-посланник, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Йемен

Г-н Абдель Аль-Шейх

Второй секретарь, Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

Замбия

Г-н Бернард Кангомде

Первый секретарь (по правовым вопросам), Постоянное представительство при Организации Объединенных Наций

--- 0 ---